

КТО БЫЛ АШШУРЕЦ, НЕ ПЛАТЯЩИЙ ДАНИ?
НАЧАЛЬНЫЕ ПАССАЖИ СТН 52
И ИСТОРИКО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
АМАРНСКОЙ ЭПОХИ

Настоящая работа, продолжающая наши предыдущие публикации, посвященные выбору между обсуждаемыми в науке вариантами абсолютной хронологии позднебронзового века¹, ставит целью уточнить хронологическое соотношение нескольких ближневосточных правлений XIV в. на основе реинтерпретации вводных пассажей известного договора Саттивассы Митаннийского с Суппилулиумасом, царем Хатти (СТН 52) – первого по времени из двух договоров между этими правителями (составлен он был, в отличие от второго, от лица Саттивассы). Общая историческая обстановка заключения этого договора была такова: в некий момент правления Суппилулиумаса его давний враг, митаннийский царь Тушратта, сын Суттарны II, был убит. После этого к власти в Митанни пришел некий Ардадама (II) со своим престолонаследником-сыном Суттарной («Суттарна III» в специальной литературе) и поддерживал союз с Ашшуром. Как давно показано в науке, Ардадама II приходился Тушратте братом². Через некоторое время сын Тушратты, царевич

¹ Напомним, что речь идет о так называемых «высокой», «средней» и «короткой» хронологиях, различающихся прежде всего по тому, какую из пар астрономически обоснованных дат воцарения Тутмоса III и Рамсеса II (соответственно 1504 : 1304, 1490 : 1290 и 1479 : 1279 или 1276 гг. до н.э.) они принимают. От выбора между этими парами зависит абсолютная хронология правлений XVIII-XIX династий в Египте, а от нее, учитывая многочисленные египетско-переднеазиатские синхронизмы – вся ближневосточная хронология позднебронзового века. В настоящее время большинство специалистов принимает «короткую» хронологию, что, с нашей точки зрения, ошибочно.

² Ср. Kühne C. Die Chronologie der internationalen Korrespondenz von El-Amarna. Neukirchen-Vluyn, 1973 (АОАТ 17). S. 78; Немировский А.А. «Да будет это ведомо богам»: EA 43 и политическая история Амарнской эпохи // ВДИ. 2005. № 4, с библиографией.

Кели-Тессоб, известный под принятым им впоследствии тронным именем «Саттивасса», бежал к хеттам и был обласкан Суппилулиумасом, который в конце концов организовал интервенцию в поддержку Саттивассы против режима Ардадамы – Суттарны («III») и смог после военных действий против сил этих правителей и их ассирийского союзника воцарить Саттивассу над большей частью территории Митанни, хотя на востоке страны удержался режим Суттарны III. Ардадама, как можно думать, около этого времени сошел со сцены, вернее всего, – умер от старости. Еще до этого момента Саттивасса, контролируя западноцентральные районы Митанни, заключил с Суппилулиумасом первый из двух договоров между ними – СТН 52³. Нас интересуют начальные пассажи договора, где Саттивасса обличает режим Ардадамы – Суттарны, перечисляя их прегрешения против митаннийской государственности, династии и великодержавия:

СТН 52⁴ Obv. «(1) [Так] (говорит) Саттивасса, сын Тушратты, цар[я страны] Мэттаннэ:

³ К реконструкции изложенных событий см. *Liverani M. Hurri e Mitanni // Oriens Antiquus. 1962. 1. P. 253–257* (аналогично в: *Kitchen K. Suppiluliuma and the Amarna Pharaohs: A Study in Relative Chronology. Liverpool, 1962. P. 4, 48*); *Kühne. Op. cit. S. 19. Anm. 82. S. 78 ff. Anm. 401*; *Аветисян Г.М. Государство Митанни. Ереван, 1984. С. 83–86*; *Freu J. Histoire du Mitanni. P., 2003. P. 121, 133 ff.*; *Немировский А.А., Александров Б.Е. «На Солнце, отца моего, я полагаюсь»: IBoT I 34 и история Верхней Месопотамии в XIII в. до н.э. М., 2007. С. 93–95, 105–107, 168–174* (все – с библиографией). Мы считаем неприемлемой недавно реанимированную альтернативную теорию А. Гётце о том, что Ардадама II представлял некую особую государственность «Хурри», отличную от государственности Митанни и осуществлял после смерти Тушратты некое верховное владычество над Митанни в качестве царя этого «Хурри» (по отношению к которому Митанни якобы имело номинально вассальный статус), в то время как престол самого Митанни занимал Суттарна «III», а до него, возможно, Саттивасса, который в этом случае какое-то время царил в Митанни сразу после смерти Тушратты, но затем был изгнан с престола Суттарной и бежал к хеттам (см. в целом: *Goetze A. The Struggle for the Domination of Syria (1400–1300 BC) // SAN. 2/2. 1975. P. 14, 19*; *Wilhelm G. The Hurrians. Warminster, 1989. P. 38*; *Вильгельм Г. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 72*; *Altman A. The Historical Prologue of the Hittite Vassal Treaties. Ramat Gan, 2004. P. 316*; ср. *Klengel H. Geschichte des Hethitischen Reiches. Leiden, 1999. S. 161*). Опровержение этой теории см. в работах, указанных в начале настоящего примечания; ср. также: второй договор Саттивассы с Суппилулиумасом (СТН 51) ясно говорит о том, что Ардадама после гибели Тушратты пришел к власти в Митанни и распоряжался им (Obv. 48 ff.); выражения, в которых Саттивасса в СТН 52 делает цитируемые у нас ниже упреки в адрес Ардадамы и Суттарны, производят то впечатление, что последние правили в одном и том же государстве (и это было Митанни, так как Суттарна, вне сомнения, распоряжается по тексту СТН 52 именно в нем); в отличие от Ардадамы Суттарна нигде не описывается как царь и, как видно из СТН 52, Obv. 23–30, Саттивасса, оказавшись у хеттов, высказывал желание отнюдь не стать царем Митанни, а лишь *заменить* Суттарну в качестве престолонаследника (фактически соправителя) при Ардадаме, который при этом сохранял бы трон, – откуда опять-таки видно, что реальная и будущая власть всех троих была связана с одним и тем же престолом самого Митанни. Таким образом, места для какого-то особого, отдельного от Митанни престола «Хурри», принадлежащего Ардадаме, не остается.

⁴ К переводу (не представляющему каких-либо языковых трудностей) ср. переводы в: *Weidner E.F. Politische Dokumente aus Kleinasien. I. Lpz, 1923. S. 37*; *Beckman G. Hittite Diplomatic Texts. Atlanta, 1996. P. 44*; *Altman. Op. cit. P. 302 f.*

прежде чем Сутта(да)рна, сын Ардадамы, [царя страны Хурри?⁵], (2) [...ств]о (= дело, порядки) страны Мэттаннэ изменил (к худшему), Ардадама-царь, его отец, (уже) не по-хорошему поступал⁶. Дво[рец... (3) ...ца]ря вместе с имуществом его он уничтожил, на выплату в страну Ашшур и в страну Алше его (имущество) растратил. (4) Тушратта-царь, мой отец, дворец построил и богатством наполнил, а Суттарна его сжег, и он разрушен!

И ...(некие ценности) (5) царей из серебра и золота, серебряные чаши из Дома Омовений, он их разломал,

и он [родичам? людям?] (6) отца своего и брата своего никому ничего не дал⁷, и перед ашшурцем, рабом его отца, который дани не (7) платит, перед ним он унизился (досл. «простерся»)⁸ и свое богатство ему в дар отдал.

---(разделительная линия между параграфами договора в оригинале)---

(8) Так (говорит) Саттивасса, сын Тушратты-царя: врата из серебра и золота, которые Саусса(да)ттар-царь, (пра)прадед мой, из страны Ашшур (9) для возвеличения своего могущества вывез, он (Саусса(да)ттар) привез в свой дворец в Вассокканнэ, (а) (10) ...Сутта(да)рна к своему позору (их) в страну Ашшур отдал! Всю остальную домашнюю утварь из серебра и золота он в страну Алше отдал...

(11) И дом царя страны Мэттаннэ с имуществом его и богатством его он уничтожил, землей засыпал, (12) дворец сжег и дома людей хурри уничтожил.

И «великих» в страну Ашшур и в страну Алше (13) он приказал отослать, и выдал их (туда, но) их вернули, и у города Тайдэ их казнили. Он уничтожил (14) их всех, людей хурри.

(...).

⁵ Титул восстанавливается условно по аналогии с именованнием Ардадамы II «царем страны Хурри» во втором договоре между хеттами и Саттивассой, СТН 51: Obv. 2 (такое же восстановление в: Freu. Op. cit. P. 134).

⁶ *a-di m[š]u-ut-tar-na DUMU mAr-ta-ta-ma [...] [a²-ma²-t]u₄ [š]a KUR URU Mi-it-ta-ani ul-te-eš-ni mAr-ta-ta-ma LUGAL a-bu-šu a-na la-a bā-ni-ti i-te-pu-uš*

⁷ ...] *a-bi-šu ū SES-šu a-na ma-am-ma mi-im-ma ul [i]d-din*

⁸ *ū a-na LU URU a-aš-šu-ra-[i] IR a-bi-šu ša ma-an-dá-at-t[u₄] [I-a] i-na-din-nu a-na pa-ni-šu ul-te | hē-h[i]-in*

⁹ Согласно А. Харраку, Саттивасса в комментируемом месте инкриминирует субъекту действий сткк. 5–7 (по Харраку, это Суттарна) освобождение «ашшурца» от выплаты дани (Harrak A. Assyria and Hanigalbat. Hildesheim, 1987. P. 42); сходным образом Э. Форрер полагал, что характеристики ашшурца как «раба» и как неплательщика дани относятся к одному и тому же времени правления «отца» нашего субъекта действий (по Форреру, последний также является Суттарной, а «отец» его соответственно – Ардадамой), т.е. что «ашшурец» первоначально был данником обсуждаемого «отца», но потом стал независимым от него же (Forrer E. Assyrien // RLA. 1928–1932. 1. S. 253). С нашей точки зрения, текст не дает никаких оснований для подобных интерпретаций: Саттивасса обвиняет своего антагониста лишь в подарках, сделанных ашшурцу, а неуплачивание дани последним представлено в придаточном предложении как вполне независимое обстоятельство, к тому же, скорее всего, разнесенное с «рабством» ашшурца по времени («рабом» ашшурец являлся при «отце» обсуждаемого субъекта действий сткк. 5–7, а дань не платит в продолженном времени, выраженном в форме презенса, т.е. в актуальную для текста пору самостоятельных поступков указанного субъекта действий. Хотя мы не будем пока вполне исключать, что речь все-таки идет об одном и том же времени, т.е. что обсуждаемый субъект вел самостоятельную дружественную политику по отношению к непокорному вассалу своего отца в правление самого этого отца, но однозначно более вероятным представляется, что речь идет о разных временных фазах: в прошлом, при «отце», ашшурец еще был «рабом» Митанни, а теперь, в пору самостоятельной активности сына, является независимым государем).

В первых же строках этой преамбулы процитированный договор выделяет две последовательные фазы истории режима Ардадамы – Суттарны, заявленные здесь Саттивассой и разделенные той трудноуловимой для нас гранью, когда, по мнению Саттивассы, Ардадаму, на протяжении какого-то времени уже поступавшего «не по-хорошему», превзошел в этом отношении его сын Суттарна¹⁰. Для задач настоящей работы существенно идентификация двух лиц:

(1) субъекта действий в сткк. 5–7, переданного там формами 3-го лица (в переводе – «он», далее: Субъект X), и

(2) «ашшурца», который, как заявлено в стк. 7, приходился отцу Субъекта X «рабом» (т.е. подданным / вассалом), но теперь «дани не платит».

То, как договор определяет этого «ашшурца», – «раб его (Субъекта X) отца, который (ныне) не платит дани», – достаточно однозначно подразумевает, что отец Субъекта X был царем Митанни, и ему «ашшурец» дань еще платил, но потом отложился от Митанни, вышел из его подданства и прекратил выплату дани, так что в описываемое в сткк. 5–7 время (т.е. в какой-то момент самостоятельной деятельности самого Субъекта X) дани уже не платит. В литературе безраздельно господствует то мнение (специально, однако, никем не проверявшееся), что Субъект X – это Суттарна «III», его «отец» соответственно – Ардадама II¹¹, а «ашшурец» – знаменитый Ашшурбаллит I (1353–1318 г.)¹², основатель ассирийского великодержавия¹³.

С нашей точки зрения, эти идентификации должны быть оставлены. Обратимся прежде всего к Субъекту X, осуществляющему действия, описанные в сткк. 5–7. Как мы помним, весь пассаж сткк. 1–7 в целом посвящен, судя по вводящей его формуле, именно злодеяниям Ардадамы, который «поступал не по-хорошему» еще до дополнительных перемен к худшему, учиненных Суттарной; тем не менее в стк. 4, предшествующей интересующим нас сткк. 5–7, в качестве лица, непосредственно совершившего описанное в этой строке злодеяние (разрушение дворца), появляется именно Суттарна. Однако сама стк. 4, т.е. фраза о разрушении дворца, скорее всего, служит, в том числе по своему синтаксическому строению и по месту в нем Суттарны¹⁴, неким эмфатическим примером, иллюстрирующим бедствия страны и без всяких оговорок присо-

¹⁰ Поскольку вторая фаза также приходится на время правления Ардадамы (тот оставался в живых еще и на момент составления самого договора СТН 52, как видно из его содержания, так что все события исторической преамбулы к этому договору разворачивались при нем), остается считать, что Суттарна в какой-то момент резко увеличил свое влияние на государственные дела в связи с состоянием отца; в самом деле, к этому времени Ардадама II должен был быть довольно стар (ср. *Вильгельм*. Ук. соч. С. 70).

¹¹ Так, в частности, в: *Forrer*. Op. cit. S. 253; *Harrak*. Op. cit. P. 11, 42; *Вильгельм*. Ук. соч. С. 70; *Gadd C.J. Assyria and Babylon c. 1370–1300 BC // САН. 2/2. 1975. P. 27; Kühne*. Op. cit. S. 78. Anm. 394; *Altman*. Op. cit. P. 308, 317.

¹² Напомним, что подобная запись дат месопотамского правления означает, что соответствующий царь взошел на престол в течение месопотамского года, продолжавшегося с весны 1354 по весну 1353 юлианского г. до н.э., его правление в течение этого года считалось его «началом царствования», следующий месопотамский год считался первым годом его правления и т.д., пока он не умер в течение месопотамского года, продолжавшегося с весны 1318 по весну 1317 г.

¹³ Отождествление его с «ашшурцем» из стк. 6 присутствует, в частности, в: *Forrer*. Op. cit.: *Goetz*. Op. cit. P. 14; *Gadd*. Op. cit.; *Harrak*. Op. cit. P. 19 f., 42 ff.; *Freu*. Op. cit. P. 124.

¹⁴ Он появляется лишь в конце предложения, главным «героем» которого по самому его построению является дворец, а содержанием – судьба этого дворца; Тушратта назван как строитель этого дворца в начале предложения, Суттарна как его разрушитель – в конце.

единенным к предшествующему повествованию о том, как «не по-хорошему» поступал и какие беды стране причинял Ардадама (сткк. 2–3)¹⁵. Такое построение пассажа допускает два толкования дальнейших фраз (сткк. 5–7): либо наша фраза о разрушении дворца являлась примером тех самых бед, которые постигли Митанни в результате заявленных выше скверных дел Ардадамы (тогда Суттарна в стк. 4 выступает просто как агент Ардадамы, а дальнейшие фразы сткк. 5–7 продолжают ту же линию повествования, которая была проиллюстрирована примером с дворцом, т.е. линию повествования о прегрешениях Ардадамы, и местоименный субъект 3-го лица во фразах сткк. 5–7 по-прежнему обозначает того же человека, что и во фразах, развитых указанным примером с дворцом, т.е. Ардадаму¹⁶); либо фраза о разрушении дворца осуществляет переход от описания «уже не по-хорошему» развернувшейся активности Ардадамы к описанию той перемены к еще худшему, которую осуществил Суттарна (тогда субъектом следующих фраз будет уже Суттарна¹⁷).

Таким образом, на роль субъекта действий в сткк. 5–7 могут претендовать *оба* лица, упомянутых в первом параграфе договора (сткк. 1–7), – и сам Ардадама, и его сын. То, что в литературе без обсуждения принята лишь вторая идентификация, вызвано только тем, что перед стк. 5 назывался по имени Суттарна, так что форманты субъекта 3-го лица в дальнейших строках естественно могут быть соотнесены именно с ним. Однако при этом забывается, что еще раньше текст называл Ардадаму, что именно деяниям Ардадамы посвящен, судя по началу, весь параграф сткк. 1–7 (это дополнительно подтверждается содержанием следующего параграфа и специальной разделительной линией между ними, см. ниже), и что фраза о Суттарне (стк. 4) тем самым может рассматриваться как экскурс, составная часть в повествовании о прегрешениях Ардадамы, о котором в этом случае и говорится в 3-м лице и до, и после этой фразы о Суттарне¹⁸.

¹⁵ Только Ардадама может подразумеваться под субъектом 3-го лица фразы сткк. 2–3, так как, во-первых, она идет сразу после введения его по имени как субъекта («... Ардадама не по-хорошему поступал. Он уничтожил дворец...») и прямо продолжает и раскрывает именно заявление о том, что Ардадама «поступал не по-хорошему» в стк. 2 (добавим, что если считать, что субъектом фразы сткк. 2–3 является все-таки Суттарна, то указанное заявление вообще повиснет в воздухе и окажется совершенно инородной и неестественно выглядящей вставкой в непрерывное повествование о злодействах Суттарны), и, во-вторых, потому что деяние, приписываемое субъекту сткк. 2–3, – заискивание перед Ашшуром и Алше – в СТН 51 введено именно как политика Ардадамы II (см. ниже прим. 19).

¹⁶ Оговорим, что выражен этот субъект личными формантами глагольных форм.

¹⁷ В этом случае, однако, было бы несколько странно, что подобный переход осуществляется без каких-либо оговорок, разграничений или формул, как-то отражающих начало новой тематической рубрики и последовательную соотнесенность действий Ардадамы и Суттарны (вида: «Ардадама делал то-то; Суттарна же затем стал делать то-то» и т.д.). Вместо этого при обсуждаемой интерпретации (где Суттарна – субъект сткк. 5–7) получится, что речь сначала идет о прегрешениях Ардадамы, затем в виде некоторого примера или экскурса сообщается о судьбе дворца, построенного Тушраттой, в конце этого экскурса без каких-либо комментариев указывается, что разрушил его Суттарна, и далее следует описание прочих дел Суттарны.

¹⁸ Это тем более возможно, что Суттарна мог сжечь дворец во исполнение распоряжений Ардадамы. О дополнительном соображении в пользу того, что так оно и есть и что стк. 4 говорит о том же самом уничтожении дворца, которое уже было изображено в стк. 3 как деяние Ардадамы (так что стк. 3 просто указывает, по чьему приказу было предпринято это разрушение, а стк. 4 добавляет имя исполнителя этого приказа), см. прим. 21.

Кто же из них является предпочтительным кандидатом на отождествление с Субъектом X? При ответе на этот вопрос имеем:

1. Инвектива «унизился перед ашшурцем» (стк. 7) уместна по отношению к суверенному правящему царю (т.е. к Ардадаме), но малопредставима применительно к царевичу-престолонаследнику (Суттарне), которому при наличии правящего – хотя бы номинально – отца едва ли вообще могла быть приписана способность самостоятельно «унижаться» по отношению к царям-соседям (как бы через голову правящего царя!).

2. Если субъект действия в стк. 6 об ашшурце – Суттарна, то «его отец» – Ардадама II, и определение ашшурца в этой же строке – «раб его отца» – означает тем самым «раб Ардадамы». Но учитывая, что Суттарна на протяжении всего СТН 52 остается лишь царевичем, правой рукой своего царствующего отца Ардадамы, определение ашшурца в сткк. 6–7 одновременно и как «раба Ардадамы» (т.е. раба царствующего в настоящее время для нашего параграфа время царя Митанни), и как правителя, не платящего Митанни дань в том же настоящем времени – т.е. не платящего дань тому самому царю, чьим «рабом» он заявлен тут же – окажется весьма странным.

И действительно, если Ардадама, как уже было сказано в нашем тексте (стк. 3), сам отправляет дары в Ашшур и заискивает перед его правителем¹⁹, то каким же «рабом» по отношению к нему (даже с точки зрения самого митаннийского престола, т.е. того же Ардадамы) мог бы считаться этот правитель?! Уже сам факт указанной политики Ардадамы по отношению к Ашшуру означал, что правитель Ашшура никак не мог бы быть определен как «раб» Ардадамы (даже непокорный).

Гораздо более вероятно, что сткк. 6–7 призваны выразить противопоставление правления «отца», при котором ашшурец еще был «рабом», нынешнему времени, при котором ашшурец не платит дани Митанни. Но при идентификации Субъекта X с Суттарной окажется, что это «нынешнее» время и есть продолжающееся правление «отца» – Ардадамы, и мы вновь останемся при интерпретации, неудачные стороны которой были только что выяснены. Кроме того, по дословному смыслу тех же фраз окажется, что Суттарна унижается перед «рабом своего (ныне правящего) отца». Между тем инвектива «царевич, унижающийся перед рабом своего царствующего отца» выглядит еще более нелепо, чем сам этот «раб», которому «рабство» перед правящим царем не мешает не платить ему дань.

Если же считать субъектом действия стк. 6 не Суттарну, а Ардадаму, все становится на свои места, и речь идет об унижении ныне правящего царя (Ардадамы) перед своим независимым соседом-ашшурцем, который некогда был «рабом» (вассалом) давно умершего предшественника (отца) правящего царя (Ардадамы), а к настоящему времени независим и «не платит дани».

3. Согласно сткк. 5–6, Субъект X «ничего не дает» каким-то людям (родственникам?) своего отца и брата, и Саттивасса этим недоволен. Если при этом Субъектом X считать Суттарну, то получается, что последний проявил пренебрежение к собственному правящему отцу и какому-то своему брату (о

¹⁹ И алшейцами. О заискивающей перед Ашшуром и Алше политике Ардадамы еще ярче говорит СТН 51, Obv. 49 ff.: «И когда Тушратта-царь сгинул, Бог Бури дело Ардадамы рассудил и сына своего Ардадаму (словно) из мертвых оживил (= возвел на престол Митанни. – А.Н.). Но вся страна Митанни впала в ничтожество. Ашшурцы и алшейцы (будто) разделили ее между собой».

котором мы слышим в первый и последний раз), а Саттивасса почему-то принял близко к сердцу эти трения внутри враждебного ему клана Ардадамы и обличает Суттарну за то, что тот мало заботится о людях своих «отца и брата»! Если же Субъект X – Ардадама, то весь пассаж снова приобретает ясный смысл: Ардадама пренебрег родичами / людьми своего покойного отца (т.е. Суттарны II) и брата (т.е. Тушратты), а к числу этих родичей принадлежал и сам Саттивасса как сын Тушратты. В таком случае действительно понятно, почему Саттивасса негодует на скупость Субъекта X по отношению к родичам / людям «его отца и брата»²⁰. Добавим, что сами по себе упреки в скупости подобного рода также уместны по отношению к правящему царю (т.е. Ардадаме), а не к его сыну-царевичу (Суттарне).

4. Как мы помним, сткк. 1 слл. твердо задают два последовательных исторических этапа – первоначальные «недобрые дела» Ардадамы и дальнейшую «перемену к худшему», учиненную усилиями Суттарны и подводящую уже к актуальному времени СТН 52. Естественно было бы ожидать, что этот второй этап, хронологически и содержательно более близкий к моменту составления договора, будет не только назван, но и описан в нем в своем месте (тем более, что предшествующий этап – злодеяния Ардадамы – такое отражение получил по меньшей мере в сткк. 1–3), причем грань между этими этапами будет как-то выделена в повествовании, раз уж ее сочли нужным специально возвещать при начале этого повествования, в первой же его строке. Между тем, если отождествлять Субъекта X с Суттарной, то получится, что оба обсуждаемых этапа изложены в первом же параграфе договора (первый – в сткк. 1–3, второй – начиная со стк. 4). Однако никакой внятно оговоренной грани внутри первого параграфа договора нет: имя Суттарны в стк. 4 появляется без каких-то оговорок, во второй части сложносочиненного предложения о дворце Тушратты (см. выше). Зато вслед за стк. 7 в источнике действительно идет разделительная черта, знаменующая начало нового содержательного параграфа (дополнительно удостоверенное повтором вводной формулы «так (говорит) Саттивасса»), и единственным субъектом действия в следующем пассаже с самого начала оказывается Суттарна. Если при этом считать, что Суттарной был и Субъект X (субъект сткк. 5–7), то получится, что повествование о втором из заявленных в сткк. 1–2 этапов (злодеяниях Суттарны) уже началось в стк. 4 и непрерывно продолжалось без всяких изменений в следующих строках вплоть до стк. 14, занимая большую часть первого параграфа и весь второй. Но тогда останется непонятным, чем же мотивировано само проведение грани параграфов между сткк. 7 и 8, да еще такое торжественное – с повторением зачина «так говорит Саттивасса».

Если же отождествить Субъекта X с Ардадамой, то и здесь все встанет на свои места: граница между первым параграфом (сткк. 1–7) и вторым (сткк. 8 слл.) и будет соответствовать заявленной еще в стк. 1 смене фаз от вредоносных действий Ардадамы к «перемене» к худшему и дальнейшим злодеяниям Суттарны (которому в этом случае целиком посвящены сткк. 8 слл., т.е. второй параграф). Тогда будут ясны и логика проведения границы параграфов между строками 7 и 8, и повторение на этой границе зачина «так говорит Сат-

²⁰ Ж. Фрё замечает, что субъектом разбираемой фразы об отсутствии раздач людям «отца и брата» должен быть, «вне сомнения, Ардадама II» (*Freu. Op. cit. P. 134*), однако не делает отсюда никаких выводов (в том числе об аналогичной идентификации таких же местоименных субъектов 3-го лица в соседних фразах).

тивасса»: в стк. 1 этот зачин вводил фазу злодеяний Ардадамы, а в стк. 8 такой же зачин ввел следующую, еще худшую фазу злодеяний Суттарны (о смене этих фаз нас предупреждали с самого начала в стк. 1, в конструкции «перед тем как Суттарна изменил дело к худшему, Ардадама уже поступал не по-хорошему»)²¹.

Итак, нам остается отождествлять субъекта действий сткк. 5–7 (Субъекта X) как Ардадаму²². Иными словами, отцу Ардадамы некий «ашшурец» был рабом, но самому Ардадаме этот же ашшурец дани уже не платит. Из этой идентификации следует важное хронологическое наблюдение: «отец Субъекта X», т.е. Ардадамы, – иными словами, Суттарна II – успел застать на престоле того же «ашшурца», который потом – уже как независимый правитель – действовал при Ардадаме. Иначе говоря, Тушратта – сын Суттарны II и предшественник Ардадамы – успел и взойти на престол, и погибнуть при одном и

²¹ Ср. также аргумент в пользу такого членения в прим. 17. Добавим, что в свете сказанного можно гипотетически уточнить смысл самой фразы о разрушении дворца Тушратты, где разрушителем назван Суттарна (стк. 4). Прямо перед этой фразой тоже шло сообщение об уничтожении некоего царского дворца Митанни, где говорилось, что «он» (Ардадама!) уничтожил этот дворец, а имущество его отправил в Алше и Ашшур (сткк. 2–3). При этом фраза сткк. 2–3 глубоко повествовательна, а фраза стк. 4 – подчеркнута эмфатична. Не идет ли речь в обеих этих фразах об одном и том же событии? В самом деле, в них обеих говорится именно о злых делах Ардадамы (притом, что непосредственным разрушителем во второй из них назван Суттарна); характер и соотношение обеих фраз вполне позволяют думать, что первая из них констатировала уничтожение дворца по приказу Ардадамы (с определенной целью – умиротворить дарами соседей), а вторая продолжает разговор о том же событии с риторически-усилительными целями, представляя собой эмфатическое противопоставление былого созидания и величия этого дворца при Тушратте (отце автора инвективы) и нынешнего его запустения и разрушения, причем приводится и дополнительная подробность – упоминается непосредственный исполнитель этого разрушения, Суттарна (главный враг автора инвективы). Вне такой интерпретации окажется в любом случае не совсем понятно, почему после описания уничтожения некоего дворца опять идет речь об уничтожении дворца безо всяких оговорок и указаний на то, идет ли речь о том же самом дворце или о другом.

²² Понимать структуру и смысл пассажа сткк. 1–7 слл. при этом придется следующим образом: «§ 1. Так говорит Саттивасса: перед тем, как Суттарна изменил дела в Митанни к еще худшему, его отец Ардадама уже вел их скверно (сткк. 1–2). Он (Ардадама. – А.Н.) уничтожил царский дворец и расточил его богатства, заискивая перед Ашшуром и Алше (стк. 3); Тушратта построил (этот?) дворец и наполнил его богатством, а теперь Суттарна (как агент Ардадамы. – А.Н.) его уничтожил! (стк. 4) Он (Ардадама. – А.Н.) разломал (чтобы перелить на драгоценный металл. – А.Н.) драгоценные предметы (стк. 5), и ничем не поделился с родичами своего отца (Суттарны II. – А.Н.) и брата (Тушратты. – А.Н.) (сткк. 5–6)! И он унизился перед ашшурцем, (былым) рабом его отца (Суттарны II. – А.Н.) (сткк. 6–7). § 2. Так говорит Саттивасса: а Суттарна (потом) к своему бесчестью отдал золотой трофей Сауссадаттра в Ашшур (сткк. 8–10), уничтожил дом царя Митанни (стк. 11) и страшно притеснял людей хурри (сткк. 12–14)». Обратим внимание на то, что деяния, описанные во втором параграфе, действительно являются последовательной переменной к худшему сравнительно с деяниями, описанными в первом (в первом параграфе и сокровище соседям выдавалось далеко не столь ценное, как во втором параграфе, и дворец царя уничтожался хотя бы частично ради этой выдачи, а не с целями чистого разрушения, как во втором параграфе, и зло, содеянное людям, в первом параграфе сводилось только к тому, что им ничего не раздавали, – а во втором параграфе дошло до того, что их еще и разорили и казнили); это согласуется с нашим соотношением первого параграфа со скверными поступками Ардадамы, а второго – с переменившимися делом к еще большему злу поступками Суттарны.

том же ассирийском правителе²³. отождествление этого правителя существенно уточнит относительную и абсолютную хронологию всего нашего периода (напомним, что его идентификация именно с Ашшурбаллитом ничем не подкреплена). Полученная нами картина позволит построить и новый египто-ассирийский синхронизм, так как Тушратта, с одной стороны, может быть довольно жестко соотнесен хронологически с новоегипетским рядом царей, а с другой, как мы только что выяснили, не менее жестко соотносится с правлением «ашшурца», т.е. одного из ассирийских правителей XIV в.

Прежде всего отметим: для того, чтобы нашего «ашшурца» можно было даже по старой памяти или номинально определять как «раба» какого-то царя Митанни, этому «ашшурцу» надо было бы некоторое время править параллельно с соответствующим митаннийским царем и платить ему при этом дань (только так он мог бы зарекомендовать себя его «рабом»); таким образом, искомый «ашшурец» воцарился за какое-то время до смерти Суттарны II и успел проявить к нему вассальную лояльность, выразившуюся в уплате дани, но потом освободился от митаннийской зависимости (скорее всего, при преемнике / преемниках Суттарны II). Действительно, источники рисуют время, наступившее в Митанни по смерти Суттарны, как период смут и общего ослабления страны (ср. ниже о ЕА 17 и перерыве в египто-митаннийских отношениях по смерти Суттарны).

Дальнейшие построения можно вести благодаря известным хронологическим взаимосвязям правлений Тушратты и Аменхотепа III: через некоторое время после своего воцарения Тушратта написал свое первое письмо Аменхотепу III (ЕА 17), инициировавшее объемную переписку между ними; главным предметом этой переписки вскоре стала подготовка свадьбы Аменхотепа III и Тадухебы, дочери Тушратты. Через какое-то время после этой свадьбы Аменхотеп попросил у Тушратты, чтобы тот на неопределенный срок прислал ему статую Иштар Ниневийской, наделенную магической целебной силой; письмо с положительным ответом на эту просьбу, предупреждающее фараона, что статуя уже отправлена и скоро прибудет к нему (ЕА 23), было, согласно египетской помете на этом письме, получено адресатом в Фивах в 1-й день IV месяца Перет / «Всходов» (конец февраля соответствующего юлианского года = исход соответствующего года месопотамского) 36-го года Аменхотепа III²⁴. Эта датировка в сочетании с другими данными амарнской переписки позволяет довольно точно сопрячь правления Тушратты и Аменхотепа III. Для наших целей нам понадобится оценить продолжительность отдельных этапов промежутка от воцарения Тушратты до получения Аменхотепом III письма ЕА 23. Приведем некоторые соображения на этот счет.

1. Как мы знаем из ЕА 17, в течение некоторого времени после своего воцарения Тушратта не поддерживал отношений с Египтом. Инициировав, наконец, эти отношения письмом ЕА 17, Тушратта счел необходимым сразу же оправдаться перед фараоном в предшествующем перерыве митанно-египетской

²³ Отметим здесь же, что ни одно место в тексте не позволяет заключать, что обсуждаемый «ашшурец», не плативший дани согласно сткк. 6–7, – это тот же самый ассирийский царь, что в конце СТН 52 воюет против хеттов на стороне Ардадамы – Суттарны, а не один из его предшественников.

²⁴ См. Kühne. Op. cit. S. 37 f. Аменхотеп III воцарился 3.III Шему / «Жатвы» (*Beckerath Ju. von. Chronologie des Aegyptischen Neuen Reiches. Hildesheim, 1994. S. 96*; отметим, что во времена Аменхотепа III этот день приходился на конец мая соответствующего юлианского года), так что ЕА 23 достигло своего адресата за три месяца до окончания его царского года.

дружбы и объяснил этот перерыв негативным влиянием только что низвергнутого Тушраттой временщика Утхе – влиянием, которым Утхе мог пользоваться при Тушратте в первое время после воцарения последнего, поскольку при этом воцарении Тушратта был еще юн; теперь же, устранив Утхе, Тушратта немедленно начал дружественную переписку с Египтом. Сразу после приветствий ЕА 17 гласит (ниже оставляется в транслитерации, без перевода, аккадский сочинительный союз *u* – «и, а, а также», у Тушратты способный также нести соотносительный смысл в подчинительных сложных предложениях ~ «то»):

«^{сткк. 11–24}После того, как (*iš-tu*) я воцарился (досл. “взошел на престол своего отца”. – А.Н.), *u* я был (еще) юн, *u* Утхе творил злое моей стране *u* убил своего господина (Ардассумару, брата Тушратты, см. ниже. – А.Н.), *u* из-за этого (*āš-šum an-ni-tim*) он не давал мне поддерживать дружбу с тем, кто любит меня (т.е. египетским фараоном. – А.Н.), *u* я, в особенности относительно тех злодеяний, которые делались в моей стране, не оказался небрежен (*ul em-te-ki*), *u* убийц Ардассумары, моего брата, вместе со всем их (людом) я убил. Поскольку (*ki-me-e*) ты был дружен с моим отцом, *u* из-за этого всего я послал (тебе) письмо, сообщая (настоящим письмом) тебе, чтобы мой брат услышал об этом *u* обрадовался. Мой отец любил тебя...» и т.д. Упомянутый выше Ардассумара, как точно известно из его титулования в одном контракте из Телль-Брака²⁵, был царем Митанни.

При первом прочтении процитированный пассаж в принципе допускает два понимания:

А) «После моего воцарения я был еще юн, и вот в это время (= после моего воцарения) Утхе творил зло и убил Ардассумару, и поэтому он...» и т.д.

Б) «После моего воцарения я был еще юн, а перед этим / к тому моменту (еще до моего воцарения) Утхе творил зло и убил Ардассумару, и поэтому теперь (после моего воцарения) он...» и т.д.

Учитывая, что Ардассумара был царем Митанни, в случае (А) он окажется недолговечным соправителем Тушратты, а в случае (Б) – его предшественником на митаннийском престоле. В другом месте мы приводили аргументы в пользу интерпретации (А)²⁶. Однако при любой интерпретации обращает на

²⁵ Finkel I. Inscriptions from Tell-Braq 1984 // Iraq. 1985. 47. P. 191–194.

²⁶ См. подробно: Немировский А.А. Соправительство наследников Суттарны II в Митанни (к реинтерпретации некоторых писем Амарны) // ВДИ. 2001. № 3. С. 3–16. Не говоря о смысловой неестественности второй интерпретации (требующей считать, что Тушратта излагает события с перебоем их последовательности и что моменты, являющиеся в рамках рассматриваемой интерпретации ключевыми для уяснения происшедшего и понимания самой последовательности событий, в самом тексте оказались ничем не выражены и должны полностью домысливаться переводчиком), он не вяжется с синтаксисом нашего отрывка. Грамматические формы его сказуемых требуют считать, что либо предложение «Утхе творил зло и убил своего господина» является главным при однородных придаточных «после того, как я воцарился и был (при этом) юн» (= «после того, как я воцарился и был юн, Утхе творил зло и убил своего господина»), либо предложения «я был юн» и «Утхе творил зло и убил своего господина» являются однородными постпозитивными главными предложениями к придаточному «после того, как я воцарился» (= «после того, как я воцарился, я был юн, а Утхе творил зло и убил своего господина»). В обоих случаях вводящая придаточное предложение временная формула «после того, как я воцарился» сохраняет силу и для предиката «творил зло и убил своего господина», устанавливая тем самым, что это убийство имело место после воцарения Тушратты. Правда, теоретически на первый взгляд мыслим и третий вариант (не разбирающийся нами специально в 2001 г.): при придаточном «после того, как я воцарился» главным

себя внимание то, что приведенный пассаж Тушратты четко противопоставляет два момента: время при его воцарении, когда он был еще «юн» и потому

является «я был юн», а предложение об Утхе – самостоятельная фраза, уже не связанная с фразой о воцарении как главное (или одно из однородных главных) – с придаточным: «после того, как я воцарился, я был юн, а (между тем) (=и) Утхе творил зло и убил своего господина». В этом случае время действия последней фразы уже не определялось бы начальным «после того, как (я воцарился)» и могло бы, теоретически говоря, предшествовать этому воцарению. На деле, однако, предложение «Утхе творил зло и убил своего господина» связано цепочкой одинаковых *и* в единую непрерывную цепь с предыдущим («я был юн», которое само вводится при помощи *и*) и последующим («из-за этого он не давал мне поддерживать дружбу с тем, кто любит меня») предложениями, а также дальнейшими предложениями, каждое из которых вводится новым *и*: «После того, как я воцарился, *и* я был еще юн, *и* Утхе творил зло *и* убил своего господина, *и* из-за этого он не давал мне поддерживать дружбу с тем, кто любит меня, *и* я не оказался относительно этого небрежен, *и* убиц Ардассумары я убил, *и*...» и т.д. – причем первое *и* при обсуждаемом понимании выражает прямую последовательность действий и состояний во времени («после того, как я воцарился, *и* [= то / тогда, после указанного момента воцарения], я [все еще] был юн»), а третье, четвертое и следующие *и* столь же прямо передают такую же временную и логическую последовательность действий и состояний (Утхе творил зло *и* [= и вот в результате / в довершение своих злодеяний] – убил своего господина, *и* из-за этого [т.е. вследствие и после этого] он не давал мне поддерживать дружбу с теми, кто меня любит; *и* я относительно происшедшего [т.е., опять-таки, вследствие и после происшедшего] не оказался небрежен; *и* [= и вот поэтому, вследствие того, что я не оказался небрежен] я убил Утхе и прочих убийц Ардассумары; во всех случаях *и* несет значение «после, вследствие»). Характерно, что на этом ряд предложений, вводимых при помощи *и*, кончается и новым подчинительным словом *ki-* (здесь «поскольку») вводится новое придаточное, развиваемое следующим предложением, вновь вводимым *и*, которое опять передает логическую и временную последовательность («поскольку ты был дружен с моим отцом, *и*=то [вследствие этого] я тебе написал»). Затем начинается новая последовательность, вводимая без *и* («мой отец любил тебя» и т.д.). Таким образом, союз *и* и здесь, как и в предшествующих фразах, передает прямую логическую и временную последовательность. Итак, в рассмотренных пассажах ЕА 17 цепочка повторяющихся союзов *и* поочередно присоединяет находящиеся в последовательном логически-временном соотношении звенья к начальному звену всей последовательности, вводимому без помощи *и*.

Учитывая, что предложение о злодеяниях Утхе включено без каких-либо временных уточнений и обговорок в первую непрерывную цепочку фраз, одинаково вводимых союзами *и* с прослеженным только что смыслом (и выглядит в ней совершенно единообразно с прочими звеньями), нужно думать, что и при этом предложении наше *и* имеет то же значение, что при прочих звеньях цепочки, и что фраза о преступлениях Утхе находится в таком же (т.е. консекутивном) логико-временном соотношении с предыдущими фразами, как и все прочие фразы рассматриваемой цепочки – со своими предшественниками. Тогда фраза о преступлениях Утхе, во-первых, передает действия, имевшие место *после* и *вследствие* воцарения Тушратты в юном возрасте, заявленно в предыдущих фразах (как мы и утверждали ранее), и, во-вторых, занимает по отношению к исходному придаточному («после того, как я воцарился») примерно то же место в причинно-временном аспекте, что и главное («я был юн»): «после того, как я воцарился, я был (еще) юн, (так что) Утхе (в это время, после моего воцарения, пока я был еще юн на престоле) творил зло и убил своего господина». Иными словами, фраза о злодеяниях Утхе в разбираемом случае оказывается фактически однородной с фразой «я был юн», главной по отношению к начальному придаточному предложению, и наш гипотетический третий вариант синтаксического членения пассажа (согласно которому фраза о злодеяниях Утхе вообще не входит в одну подчинительную конструкцию с начальным придаточным «после того, как...», а существует независимо от него) на поверку все равно оборачивается вторым вариантом (по которому фраза о злодеяниях Утхе и предшествующая фраза «я был юн» выступают в роли однородных главных при указанном начальном придаточном).

реальной властью вместо него распоряжался временщик Утхе, и нынешнее время, когда он разделался с Утхе, сам осуществляет власть и посылает в Египет ЕА 17. Это противопоставление твердо подразумевает, что между воцарением Тушратты и отсылкой ЕА 17 прошло немало времени (как минимум, несколько лет), и на момент самой отсылки ЕА 17 Тушратта уже не мог бы говорить о себе, что он «юн». В самом деле, в контексте письма упоминание «юности» Тушратты при воцарении может иметь лишь одно предназначение: снимать с Тушратты ответственность за недружественные отношения с Египтом (и прочие злые дела, приписываемые Утхе, включая, очевидно, убийство Ардассумары)²⁷. Но если бы Тушратта устранил Утхе и написал ЕА 17 в той же возрастной фазе «юности», в которой, согласно этому ЕА, находился при воцарении, то его попытка в ЕА 17:11 слл. сослаться на эту «юность» как на объяснение былых событий его правления оказалась бы совершенно нелепой и контрпродуктивной (ибо тут же, по тексту все того же ЕА, выяснялось бы, что пресловутая «юность» вовсе не помешала ему устранить временщика и вести внешнюю политику по своей воле).

Итак, от воцарения Тушратты до отсылки ЕА 17 прошло самое меньшее несколько лет (для хронологических расчетов можно с уверенностью принять минимум в 3 года).

Далее, отметим, что если бы Тушратта вступил на престол в возрасте более 20 лет, на третьем десятке, то вышеупомянутые оправдания «юностью» при воцарении в ЕА 17 звучали бы для него совершенно пародийно и только дискредитировали бы его перед фараоном. Возраст Тушратты при воцарении тем самым не может составлять больше 18–20 лет.

2. Продолжительность и ход переписки Тушратты с Аменхотепом III были в свое время детально разобраны и реконструированы К. Кюне²⁸, показавшим, что только период от отправки ЕА 17 до прибытия Тадухебы на свадьбу с Аменхотепом III в Египет занимал, самое меньшее, около трех лет, а между свадьбой и отправкой ЕА 23 в Египет прошел достаточно большой (для нас неопределенный и почти не освещенный источниками) промежуток времени. В итоге, согласно К. Кюне, ЕА 17 было отправлено в Египет не позднее конца 32-го года правления Аменхотепа III (а свадьба пришлось примерно на вторую половину 35-го года Аменхотепа III, т.е. на грань соответствующих юлианских лет); но даже если сужать вышеуказанный неизвестный для нас промежуток между свадьбой и ЕА 23 до минимума²⁹, *terminus*'ом *ante quem* для ЕА 17 будет начало 33-го года Аменхотепа III (лето соответствующего юлианского года), а для свадьбы – начало 36-го года Аменхотепа III (опять-таки лето соответствующего юлианского года).

3. Уже в одном из писем, касающихся подготовки к отправлению Тадухебы в Египет, Тушратта сообщал Аменхотепу III, что Тадухеба «очень созрела» [физически], так что удовлетворит всем сердечным желаниям жениха (ЕА 20: 28–30; при этом ЕА 20 было отослано не менее чем за год до самой свадьбы³⁰). Это лишний раз удостоверяет тот и без того достаточно очевидный

²⁷ Kühne. Op. cit. S. 18. Anm. 80.

²⁸ Ibid. S. 38 f., 175 (Shaubild I).

²⁹ Указанный минимум задан тем, что ЕА 23 уже не содержит никаких отсылок к сюжетам, связанным с браком Тадухебы и его празднованием, и, как известно из этого и других ЕА, между свадьбой Тадухебы и отправкой ЕА 23 между Египтом и Митанни осуществлялось несколько пересылок посольствами. См. Ibid. Промежуток между свадьбой и присылкой ЕА 23 в Египет тем самым составляет никак не менее полугода.

³⁰ Ibid. S. 175.

факт, что к моменту свадьбы Тадухебы и Аменхотепа III Тадухебе должно было исполниться не менее 13–14 лет, а ее отцу, Тушратте, тем самым, – не менее 27. Но, как мы видели выше, Тушратта воцарился не позднее достижения им 18–20 лет. Таким образом, минимальный срок между воцарением Тушратты и свадьбой его дочери и фараона составляет 7 лет. Учитывая датировку самой свадьбы (см. выше), это значит, что Тушратта воцарился не позднее конца 28-го – начала 29-го года Аменхотепа III (= зимы–лета соответствующего юлианского года).

Теперь мы можем подытожить наши выкладки. Допустим, что, как сейчас считается, наш «ашшурец, не платящий дани» из преамбулы СТН 52, тождествен Ашшурубаллиту. Тогда весь промежуток от воцарения Ашшурубаллита I до конца 36-го года Аменхотепа III будет выглядеть так:

А. Между весной 1354 г. и весной 1353 г. – воцарение Ашшурубаллита I (по обсуждаемой гипотезе он тождествен «ашшурцу» из СТН 52)	
Промежуток [А–В] – время от воцарения «ашшурца» до смерти Суттарны II; за это время «ашшурец» успел зарекомендовать себя как «раб» Суттарны II – <i>x</i> месяцев	
В – смерть Суттарны II, воцарение Тушратты	
Промежуток [В–С] – время от воцарения Тушратты до отправки ЕА 17 – не менее нескольких лет (минимум 3 года)	Промежуток [В–D] – время от воцарения Тушратты до свадьбы Тадухебы и Аменхотепа III – минимум 7 лет (по соображениям, связанным с возрастом Тадухебы к моменту свадьбы и «юности» Тушратты в момент воцарения, см. выше)
С – отправка Тушраттой ЕА 17 в Египет	
Промежуток [С–D] – время от отправки ЕА 17 до свадьбы Тадухебы и Аменхотепа III – около 3 лет	
D – свадьба Тадухебы и Аменхотепа III	
Промежуток [D–E] – от свадьбы Тадухебы до прибытия ЕА 23 в Фивы – более полугода	
E – прибытие ЕА 23 в Фивы – I.IV. <i>Prt</i> 36-го года Аменхотепа III, конец февраля соответствующего юлианского года	

Обозначим юлианский год, в который в Фивы прибыло письмо ЕА 23, как год N. Из приведенной схемы видно, что хронологическое соотношение года N с 1354 / 53 (от весны до весны) годом до н.э. можно установить двумя расчетами. Один из них представлен в левой колонке и связан прежде всего с хронологией пересылки письмами между Египтом и Митанни. Другой представлен в правой колонке и определяется соображениями относительно возраста Тадухебы в момент свадьбы с Аменхотепом III и «юности» Тушратты в момент его воцарения (см. выше). Различие между этими расчетами составляет год с небольшим (по соображениям, связанным с хронологией пересылки писем, промежуток [В–D] составит минимум 6 лет без малого, а по соображениям, связанным с возрастом Тадухебы, – минимум 7 лет).

По первому расчету прибытие ЕА 23 в Фивы упадет, самое раннее, на промежуток между летом 1348 г. и летом 1347 г. до н.э., и год N (учитывая, что это прибытие имело место в феврале) окажется, самое раннее, 1347-м. По второму расчету прибытие ЕА 23 в Фивы упадет, самое раннее, на год с небольшим позже, на промежуток между осенью 1347 г. и осенью 1346 г. до н.э., и год N окажется, самое раннее, 1346-м. Конец 36-го года Аменхотепа III при первом расчете упадет, самое раннее, на май 1347 г. до н.э., а при втором – самое раннее, на май 1346 г. Однако это будет означать слишком низкую, несов-

местимую даже с «короткой» новоегипетской хронологией датировку Аменхотепа III³¹! Поясним это подробно, рассчитав *terminus post quem* для воцарения Тутмоса III с учетом изложенных выше данных. Он будет определяться следующим уравнением: *terminus post quem* для конца 36-го года Аменхотепа III + 36 лет от воцарения Аменхотепа III до конца его 36-го года + максимально допустимый общий срок правления Тутмоса IV, Аменхотепа II и Тутмоса III.

Между тем максимальный общий срок правлений последних трех фараонов составляет не более 92 лет, а вернее, должен быть уменьшен до менее чем 90 лет, см. ниже схему вариантов исчисления промежутка от воцарения Тутмоса III до смерти Тутмоса IV³²:

³¹ При ней Аменхотеп, правивший более 37 лет (*Beckerath. Op. cit. S. 96*; высшая известная дата – 38-й год), должен умереть не ранее 1346 г. (по расчету, связанному с пересылкой посольствами) // 1345 г. (по расчету, связанному с возрастом Тадухебы). Однако даже «короткая» новоегипетская хронология и даже с дополнительным, непропорциональным понижением ее за счет увеличения срока правления Аменхотепа II до 30 лет 10 месяцев, даст для смерти Аменхотепа III, самое позднее, лишь 1348 г. (см. ниже, прим. 32, ср. *Ibid. S. 95 f.*).

³² К обоснованию схемы см. *Beckerath. Op. cit. S. 94 f.* Тутмос III, как известно по памятникам, правил 53 года и 10,5 месяцев. Для правления Аменхотепа II подходит только манефоновская дата в 25 лет 10 месяцев, в списке XVIII династии Манефона сопоставленная преемнику Тутмоса III, т.е. Аменхотепу II (при этом первый из них у Манефона назван «Мефресом», а второй – «Мефрамутосисом»; обе формы являются воспроизведениями тронного имени Тутмоса III – «Менхеперра». Такое распространение, в измененном виде, имени Тутмоса III на Аменхотепа II является, вероятно, следствием их соправления, см. ниже), что согласуется с высшей из известных дат Аменхотепа II по памятникам – 26-й год. При этом точно известно, что часть правления Аменхотепа II продолжительностью в x лет 4 месяца прошла в соправительстве с Тутмосом III. Теоретически мыслимый минимум для их соправительства составлял бы, тем самым, 4 месяца, однако некоторые астрономические данные требуют синхронизировать его с правлением Тутмоса III таким образом, что оно составит 2 года 4 месяца (*Beckerath. Op. cit. S. 43 f., 93*, с библиографией), что хорошо согласуется с тем, что на 3-м году правления Аменхотепа II вынужден был подавлять мятеж в азиатских владениях Египта (как видно из его Амадской и Элефантинской стел) – такой мятеж удачно объяснялся бы тем, что именно на 3-м году правления Аменхотепа II умер Тутмос III, что и вызвало общее отпадение египетских владений в Азии. За «Мефресом» и «Мефрамутосисом» у Манефона следует Тутмосис (т.е. Тутмос IV) со сроком правления в 9 лет 8 месяцев (что вполне согласуется с высшей датой, известной для Тутмоса IV по памятникам – 8-й год), а за ним – Аменофис со сроком правления в 30 лет 10 месяцев. По месту в списке этот Аменофис может отвечать только Аменхотепу III; продолжительность правления не отвечает реальной продолжительности правления этого фараона и, очевидно, является плодом какой-то ошибки. Во всяком случае, это не дает никаких оснований вслед за Ю. фон Бекератом (*Beckerath. Op. cit. S. 93*) перенести эту продолжительность правления на Аменхотепа II. Таким образом, вместе Тутмос III, Аменхотеп II и Тутмос IV правила (учитывая заведомое перекрытие правлений первых двух из них, указанное выше), самое большее, 87 лет 0,5 месяцев; если минимизировать соправительство Тутмоса III и Аменхотепа II до 4 месяцев (с игнорированием вышеупомянутых астрономических соображений), то совокупное правление всех троих поднимется до 89 лет 0,5 месяцев. Ю. фон Бекерат, который исчисляет соправительство Тутмоса III с Аменхотепом II (с учетом упомянутых астрономических соображений) в 2 года 4 месяца, но при этом принимает для Аменхотепа II максимальную продолжительность правления в 30 лет 10 месяцев, взяв этот срок от манефоновского Аменофиса / Аменхотепа III, получил тем самым для всей рассматриваемой совокупности максимум в округленные 92 года (без округления получилось бы 92 года 0,5 месяцев). Комбинируя минимальный срок соправительства Тутмоса с Аменхотепом II (4 месяца) с приписыванием Аменхотепу II срока правления в 30 лет 10 месяцев, мы получили бы для общей продолжительности правлений от Тутмоса III до Тутмоса IV срок в 94 года, однако само указанное приписывание, как упоминалось, следует отвести.

Правление Тутмоса III	53 года 10.5 мес.			
Правление Аменхотепа II	25 лет 10 мес. (по Манефону)	30 лет 10 мес. (с транспозицией, по фон Бекерату, Аменхотепу II манефоновского срока правления, сопоставленного у самого Манефона Аменхотепу III, что едва ли может быть принято)		
Соправительство Тутмоса III и Аменхотепа II	2 года 4 мес.	4 мес.	2 года 4 мес.	[4 мес.]
Правление Тутмоса IV	9 лет 8 мес.			
Итого	87 лет 0.5 мес.	89 лет 0.5 мес.	92 г. 0.5 мес.	[94 г. 0.5 мес.]

Таким образом, наше уравнение, описывающее *terminus post quem* для воцарения Тутмоса III (см. выше), примет следующий вид:

Terminus post quem для воцарения Тутмоса III = {май 1347 по расчету пересылок письмами // май 1346 г. до н.э., исходя из возраста Тадухебы + 36 лет Аменхотепа III + максимум 89 лет его предшественников (без замены срока правления Аменхотепа II Ю. фон Бекератом, – с нашей точки зрения, недопустимой, – на 30 лет 10 месяцев)} = май 1472 г. по расчету пересылок письмами // май 1471 г., исходя из возраста Тадухебы.

Если все же принимать за срок правления Аменхотепа II вслед Ю. фон Бекерату 30 лет 10 месяцев и соглашаться с его исчислением, то искомый *terminus post quem* отодвинется на апрель–май 1475 г. по расчету пересылок письмами // на апрель–май 1474 г., исходя из возраста Тадухебы. Наконец, при комбинировании того же срока в 30 лет 10 месяцев для Аменхотепа II с минимизацией, теперь уже вопреки Ю. фон Бекерату, соправительства Тутмоса III и Аменхотепа II до 4 месяцев (минимизации самой по себе маловероятной) наш *terminus post quem* отодвинется на апрель–май 1477 г. по расчету пересылок письмами // на апрель–май 1476 г., исходя из возраста Тадухебы.

Но даже по «короткой» хронологии (не говоря о прочих) датировать воцарение Тутмоса III так поздно невозможно – по этой хронологии оно придется на конец апреля 1479 г.! Иными словами, считать нашего «ашшурца» Ашшурбаллитом, как это делалось до сих пор, в действительности нельзя: для сохранения этого отождествления мы вынуждены были бы понижать новоегипетские правления так, что это оказалось бы несовместимо даже с «короткой» хронологией Нового царства (при ее дополнительных маловероятных понижениях). Реальное же хронологическое «пересечение» Ашшурбаллита с Аменхотепом III составило не более одного года³³; будь он нашим «ашшурцем», все время от воцарения Тушратты (оно имело место после воцарения «ашшурца», см. выше) до смерти Аменхотепа должно было бы втиснуться в этот один год, что, учитывая действительную протяженность этого времени (не менее 9 лет³⁴), совершенно невозможно.

³³ Аменхотеп III даже по «короткой хронологии» (если не заменять срок правления Аменхотепа II на 30 лет 10 месяцев) должен был бы умереть самое позднее в 1353/52 г. (при минимизации соправления Аменхотепа II с Тутмосом III до 4 мес.) // в 1355/54 г. (с вероятным повышением указанного соправления Аменхотепа и Тутмоса до двух с лишним лет), ср. выше прим. 32.

³⁴ Воцарение Тушратты – не позднее начала 29-го года правления Аменхотепа III, смерть Аменхотепа III – не ранее чем на 38-м году правления.

Но коль скоро отождествление с Ашшурбаллитом для «ашшурца» оказывается слишком поздним, «ашшурец» может быть отождествлен только с предшественником Ашшурбаллита – Эриба-Ададом (1380–1354 гг.). Таким образом, мы пришли к первому выводу настоящей работы: правление Тушратты Митаннийского полностью укладывается в правление Эриба-Адада, т.е. в хронологические рамки 1381 / 80–1354 / 53 (в обоих случаях – с весны до весны) юлианских лет до н.э. Это заключение позволяет существенно пересмотреть и уточнить хронологию амарнского времени, и прежде всего привести новый аргумент против «короткой» хронологии в пользу «средней».

В самом деле, Тушратта, как известно, минимум на 4 года хронологически «пересекается» с Эхнатом (как видно из жалобы Тушратты на то, что Эхнатон уже 4 года задерживает его послов, ЕА 29:113). В то же время Тушратта, как мы только что видели, погиб еще при Эриба-Ададе – «ашшурце» начальных пассажей СТН 52 – причем последний после этого успел еще какое-то время взаимодействовать с Ардадамой II (этому взаимодействию и посвящены инвективы Саттивассы в начале СТН 52 относительно того, как Ардадама расточал богатства Митанни в пользу «ашшурца, не платившего дани»). Обозначим этот отрезок хронологического пересечения правлений «ашшурца» и Ардадамы II как y (определить его продолжительность невозможно, но ясно, что составлял он по меньшей мере несколько месяцев, если не лет). Таким образом, *terminus*'ом *ante quem* для гибели Тушратты будет { момент смерти Эриба-Адада, имевший место в 1354 / 53 г. [с весны до весны] + y }. *Terminus*'ом *ante quem* для воцарения Эхнатона = смерти Аменхотепа III окажется тем самым { 1358 / 57 [с весны до весны] г. до н.э. + y }. Учитывая, что Аменхотеп III правил, согласно памятникам, более 37 лет, а три его предшественника – Тутмос IV, Аменхотеп II и Тутмос III – правили вместе не менее 87 лет (см. выше), то *terminus*'ом *ante quem* для воцарения Тутмоса III окажется { 1358 / 57 (с весны до весны) + y + 37 + 87 = 1482 / 1481 (с весны до весны) г. до н.э. + y }. Между тем воцарение Тутмоса III по «короткой» хронологии (1479 г.) не удовлетворяет этому ограничению и должно быть поэтому отвергнуто. Остается принимать во внимание лишь более высокие даты, т.е. «среднюю» (воцарение Тутмоса III в 1490 г.) и «высокую» хронологию (последняя, впрочем, отпадает по ряду других соображений³⁵). Таким образом, мы вновь приходим к тому выводу, что при настоящем составе источников «средняя хронология» является единственным подходящим выбором.

WHO WAS «THE MAN OF ASHUR WHO DOES NOT PAY TRIBUTE»?
INITIAL PASSAGES OF CTH 52 AND RECONSTRUCTIONS OF THE HISTORY
AND CHRONOLOGY OF AMARNA AGE

A. A. Nemirovsky

The initial passage of CTH 52 (the first treaty between Suppiluliuma of Hatti and Shattiwazza of Mitanni) contains invectives against Shattiwazza's rivals in Mitanni, Artatama II and his son Shuttarna «III», including the statement that one of them was friendly to «the man of Ashur, his father's slave, who does not pay tribute» (l. 6 f.). The common opinion is that the object of this invective (grammatical subject in ll. 5–7) is Shuttarna «III», his father men-

³⁵ Ср. Немировский А.А. Письмо Хаттусилиса III Кадашман-Эллилю II (КВо I 10) и вопросы ближневосточной хронологии // ВДИ. 2007. № 3. С. 3–27.

tioned in l. 6 is consequently Artatama and the man of Ashur, this father's slave, is to be identified as Ashur-uballit I (1353–1318 BC). Contrary to this we tried to prove that the object of the said invective is Artatama. The «father» in question will then be Shuttarna II, and it means that Tushratta came to power and lost his life under the same ruler of Ashur who began as Suttarna II' «slave» and later dealt with Artatama II as an independent ruler. For certain chronological reasons (derived from the chronology of Tushratta's relations with Amenophis III and absolute chronology of New Kingdom in all its variants) this «man of Ashur» cannot be Ashur-uballit, but only Eriba-Adad I (1380–1354 BC). Thus, all Tushratta's reign must be placed in between 1380 and 1354 BC, which fact, in its own turn, would fit only the «Middle» chronology of the New Kingdom.